

Миссия «Алсос»

Охота за атомными секретами Гитлера

Осенью 1943 года военная удача окончательно отвернулась от Германии. Парад поразительных побед остался в прошлом. Летнее наступление на Восточном фронте провалилось, Италия — главный союзник по «оси» — капитулировала. Фактически Германия уже вела войну на два фронта, а в ближайшей перспективе ей предстояло иметь дело еще и с массированной высадкой британо-американских войск в северо-западной Европе. По сути, судьба нацистского рейха была решена, и поражение его становилось теперь лишь вопросом времени. Понимая это, лидеры стран-союзников все чаще задумывались о послевоенном политическом и экономическом мироустройстве. Очевидно, что в будущем ключевую роль станет играть промышленный и научный потенциал новых империй, и в связи с этим задел, который успели наработать немецкие ученые, создавая новейшие виды техники и вооружения, приобретал особую важность. Обладание ими, несомненно, прибавит победителю очков при новом разделе сфер влияния. Поэтому, как только обстоятельства позволили, специальные отряды «охотников за секретными технологиями» устремились на освобожденную от нацистов территорию, стараясь собрать как можно больше документов и специального оборудования, уговорами или силой переманить на свою сторону ученых и конструкторов. А все, что невозможно вывезти, — уничтожить, чтобы не досталось тем, кто из союзника по коалиции скоро превратится в опасного и сильного врага.

Первый и самый успешный из подобных отрядов был создан в июле 1943 года по инициативе Джона Лэнсдейла – младшего, ответственного за безопасность совершенно секретного проекта «Манхэттен». Причиной стал, как ни странно, страх. С первых шагов по созданию супероружия американские ученые и военные больше всего опасались, что отстают. Атомная бомба в руках Гитлера – кошмар, который не давал им покоя и вынуждал работать на пределе возможностей. Опасения были не пустыми: именно немцы открыли принципы деления ядра и первыми занялись изучением свойств урана. Они имели фору в полтора года и наверняка использовали ее максимально эффективно, учитывая свойственные им последовательность, трудолюбие и прагматизм. Всякий раз, делая новый шаг на пути к бомбе, участники Манхэттенского проекта содрогались от мысли: «А когда этот этап прошли немцы?» Усиливало тревогу и то, что ни крупицы информации о состоянии немецкого атомного проекта ни в Вашингтон, ни в Лондон не поступало. А слухи и домыслы лишь подливали масла в огонь.

Британская разведка, не получая новостей о ядерных исследованиях Третьего рейха даже в зашифрованных сообщениях, которые довольно успешно перехватывала специальная служба «Ультра», пришла к выводу, что немцы сочли разработку атомного оружия чересчур дорогим удовольствием и переключились на более эффективные и доступные средства ведения войны. Это подтверждала и информация, поступающая от завербованного Ми-6 австрийского физика Пауля Росбауда. Но оба эти источника Великобритании вынуждена была скрывать даже от американских союзников (досье Росбауда засекречено до сих пор и гриф будет снят только в 2038-м). А руководитель проекта «Манхэттен» бригадный генерал Лэсли Гровс не склонен был верить кому бы то ни было на слово. Потому он с радостью одобрил инициативу Лэнсдейла сформировать из военных и научных экспертов специальную миссию, которая, следуя за передовыми частями и осматривая захваченные заводы, лаборатории и научные центры, сможет оценить реальное состояние немецкой ядерной программы. Миссия получила кодовое имя «Алсос». Лишь спустя несколько месяцев Гровс узнал, что это звучное название является прямым переводом на греческий его фамилии. Он, конечно, негодовал, но посчитал неразумным что-то менять. Тем более что «Алсос» к тому времени уже начала действовать.

Необычной группе требовался такой же неординарный командир, и Гровс остановил свой выбор на Борисе Пэше, сыне русского эмигранта, священника Федора Пашковского, митрополита всей Америки и Канады. Родившийся в США в 1900 году Борис Пашковский умудрился год повоевать рядовым Русской императорской армии на фронтах Первой мировой, а затем примкнул к Белому движению. За три года службы на крейсере «Генерал Корнилов» он превратился в яркого борца с коммунистической идеологией. В 1920-м Борис бежал с семьей из Крыма и обосновался в Берлине, где некоторое время сотрудничал с Христианской молодежной организацией (УМСА), но затем решил вернуться в США и подтвердить свое гражданство. В Америке он сменил длинную русскую фамилию на более короткую и звучную – Пэш – и в скором времени получил степень бакалавра в частном колледже Спрингфилда. Следующие 15 лет он преподавал физическую культуру в Высшей школе Голливуда, не забывая и о самосовершенствовании.

Лэсли Гровс

Джон Лэнсдейл – младший

Борис Пэш

Сэмюэль Абрахам Гаудсмит

Члены миссии «Алсос»: Гаудсмит, Варденбург, Уэльс и Сесил

Помимо степени магистра к началу Второй мировой войны Пэш в дополнение к английскому, русскому и сербскохорватскому овладел в совершенстве немецким и французским языками. В мае 1940 года Пэша призвали в армию. Он совмещал в себе недюжинный интеллект, физическую силу, способность анализировать и делать выводы, а также здоровую тягу к риску. Эти качества привели его сначала в военную контрразведку, а затем на должность ответственного за внутреннюю безопасность проекта «Манхэттен». Здесь он словно клещ впился в Оппенгеймера, которого считал скрытым коммунистом и подозревал в сотрудничестве с советской разведкой. Не исключено, что Гровс избрал Пэша на роль руководителя «Алсос» еще и для того, чтобы он хотя бы на время оставил в покое «американского Прометея».

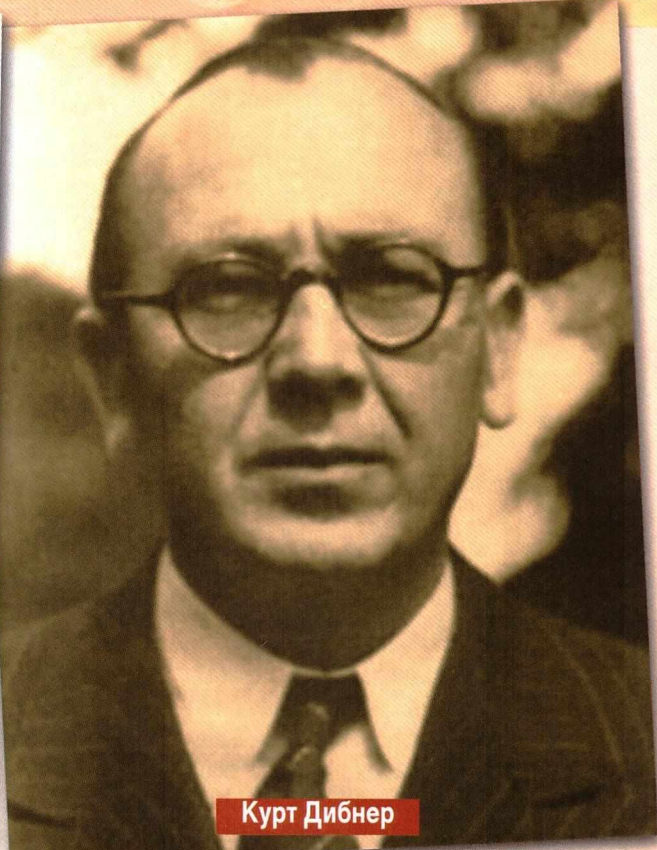
В декабре 1943-го отряд «Алсос» высадился в Италии для поисков следов немецкого атомного проекта на Апеннинском полуострове. Ферми сообщил Гровсу фамилии наиболее значимых итальянских физиков, которых Германия могла привлечь к своим исследованиям по урану. Но наступление союзников к Риму застопорилось, и охотникам за секретами пришлось вернуться в Вашингтон несолоно хлебавши. Другой опустил бы руки, но только не полковник Пэш. Он бодро доложил начальству, что пробная миссия прошла успешно, отряд испытал себя в реальной боевой обстановке и необходим ряд нововведений, чтобы улучшить его работу. В частности, потребовал предоставить ему научного консультанта, достаточно подкованного и авторитетного, чтобы раскрутить пленных физиков на душевный

разговор. Задача была не из простых. Все ученые, сведущие в вопросах ядерного деления и не запятнавшие себя связями с врагом, уже были вовлечены в Манхэттенский проект. Без особой охоты Гровс принял предложение сделать правой рукой Пэша Сэмюэля Абрахама Гаудсмита, голландца по происхождению, талантливого физика, специализирующегося на квантовой механике и ядерной физике и прославившегося в 1920-е открытием явления самовращения электрона. Он лично знал многих европейских коллег, мог отличить важную информацию от несущественной, владел навыками оперативно-разыскной деятельности и имел большой зуб на Гитлера и его клику – родители Гаудсмита разделили печальную судьбу десятков тысяч голландских евреев, сгинувших в нацистских лагерях. В свое время Гаудсмит получил приглашение Оппенгеймера перебраться в Лос-Аламос, но отказался и теперь занимался разработкой новых радаров для военных. А значит, в случае захвата в плен он при всем желании не сможет выдать немцам никаких секретов.

Пэшу не терпелось возобновить работу миссии «Алсос», но высадившиеся в Нормандии войска союзников увязли в кровопролитных боях в бокаже и лишь в конце июля сумели вырваться на оперативный простор. Главным в списке потенциальных клиентов миссии «Алсос» во Франции был Фредерик Жолио-Кюри. Его лаборатория располагалась в Коллеж де Франс в Париже, и полковник Пэш примкнул к передовой группе 1-й армии США, чтобы получить возможность первым предъявить права на французского физика. Дважды ему пришлось искать укрытие от огня немцев, но 25 августа он все же

Фредерик Жолио-Кюри

Курт Дибнер

нашел Жолио-Кюри и в весьма вежливой форме взял под арест. Француз охотно рассказал обо всем, что касалось его работы с немецкими физиками, перечислил их фамилии и заверил, что все годы оккупации парижский циклотрон использовался исключительно в целях проверки разного рода научных теорий. Единственной по-настоящему полезной находкой для Пэша стала фамилия одного из руководителей немецкой военной ядерной программы. Прежде американцы понятия не имели о существовании Курта Дибнера и полагали, что все, связанное с немецкой А-бомбой, находится в ведении исключительно Вернера Гейзенберга.

В освобожденной Бельгии «Алсос» пошла по ложному пути. Пытаясь отыскать следы вывезенной немцами урановой руды (в 1940-е значительная часть мировой добычи урана приходилась на Бельгийское Конго), группа обнаружила, что немецкая фирма «Ауэр Гезельшафт» реквизировала все европейские запасы радиоактивного тория. Зная, что этот элемент необходим на финальной стадии изготовления атомной бомбы, Гаудсмит не на шутку перепугался. Неужели немцы все же обогнали американцев и уже занялись изготовлением практического ядерного оружия? Вывезенных запасов тория хватило бы на создание целого арсенала. Но тревога оказалась напрасной. Руководство «Ауэр Гезельшафт» заботилось о будущем компании и, понимая, что нынешняя ее продукция – противогазы, топливные элементы для прожекторов и прочие военные материалы – скоро станет ненужной, рассматривала в качестве перспективы производство инновационной зубной пасты. Зная, что окись тория обладает высокими отбелива-

ющими свойствами, дирекция предусмотрительно запатентовала рецепт и, пользуясь особым положением, сосредоточила в своих руках весь доступный на тот момент торий, дабы обезопасить себя от возможной конкуренции.

В процессе поиска тория Гаудсмит пересмотрел целый ворох документов, имеющих отношение к «Ауэр Гезельшафт», и обнаружил среди гор бумажного мусора несколько весьма интересных нитей, которые указывали на существование в Страсбурге некоего центра ядерных исследований, который действовал под эгидой местного университета. Когда в середине ноября части союзников приблизились к городу, Пэш с группой захвата устремился на передовую. Как только представилась возможность, охотники обыскали весь университетский комплекс, но ничего не нашли. Пэш не желал сдаваться и приказал прочесать все общественные здания в городе. Искомое обнаружилось в одном из строений на территории городского госпиталя. Немецкие ученые пытались выдать себя за врачебный персонал, но свирепый полковник быстро втолковал им новые правила игры. Выяснилось, что руководитель центра Карл фон Вайцзеккер успел скрыться, но найденные в его кабинете записи позволили составить достаточно ясную картину текущего состояния немецкой ядерной программы. Германия не только не имела бомбы, но даже не приблизилась к пуску полноценного ядерного реактора.

Добытые бумаги скрупулезно изучили научные консультанты Манхэттенского проекта и подтвердили вывод Гаудсмита. Казалось, миссия «Алсос» выполнила

свою задачу, и группу можно распускать. Однако генерал Гровс и его начальство в Вашингтоне считали иначе. Если ранее немецкие физики и все, что им удалось создать, рассматривались как цель, которую следует уничтожить при первой же возможности, то теперь они превратились в приз, в гонке за которым «Алсос» шла впереди остальных. И так должно было оставаться и впредь. Чем меньшая доля ядерного наследия Германии достанется русским, англичанам и французам, тем лучше.

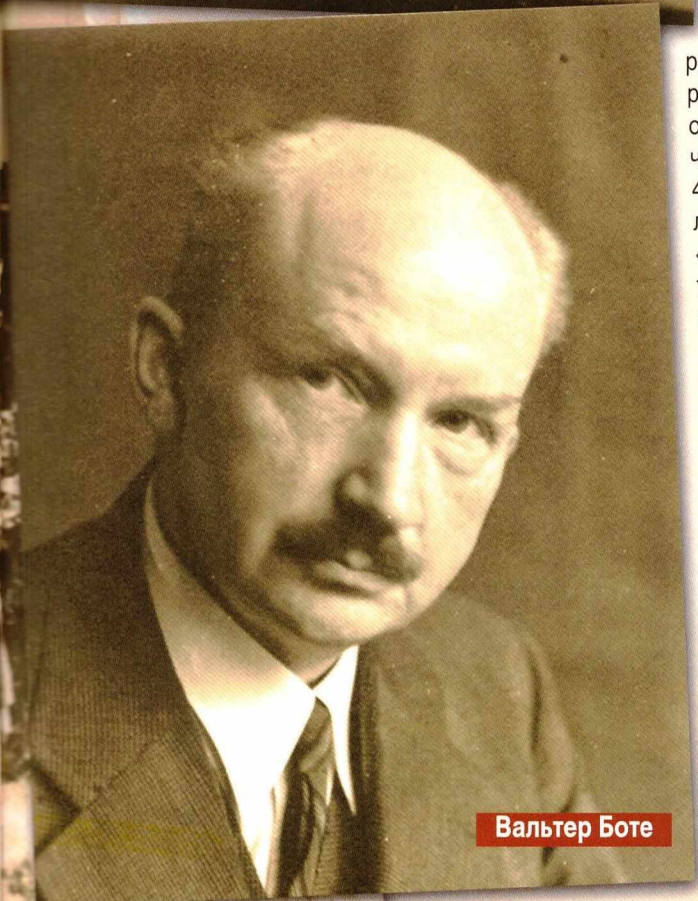
Главной головной болью Гровса стал химический завод в Ораниенбурге в 25 км севернее Берлина. Судя по документам, там из урановой руды получали металлический уран. Предприятие располагалось в будущей советской зоне оккупации и у подразделений союзников не было ни единого шанса попасть туда первыми. Оставался единственный выход – удар с воздуха. Пользуясь своим особым положением, руководитель Манхэттенского проекта обратился напрямую к командующему стратегической авиацией США в Европе генералу Карлу Спаатсу. 15 марта 1347 бомбардировщиков 8-й воздушной армии сбросили на завод и прилегающую к нему железнодорожную станцию 1784 тонны фугасных и зажигательных бомб. Хотя формально целью рейда считалось уничтожение цехов по изготовлению компонентов новейшего оружия большой мощности, фактическая задача состояла в том, чтобы уран не попал в руки Красной армии. По сути, налет стал одним из первых залпов грядущей холодной войны.

Значительное количество вывезенной из Бельгии урановой руды было сосредоточено неподалеку от Магдебурга, в городке Штрассфурт. Этот район также относился по договору к советской зоне оккупации, но находился в пределах двухдневного марш-броска от демаркационной линии, и «Алсос» имела все шансы добраться туда раньше советских войск. Пэш через Гровса попытался выяснить, как отнесется к подобной аванюре командующий американской 1-й армии Омар Брэдли, славившийся выдержкой и благоразумием. И получил красноречивый ответ: группе «Алсос» придали батальон моторизованной пехоты и роту танков «на случай, если возникнут какие-то проблемы с русскими». 17 апреля отряд Пэша прибыл в Штрассфурт и в соляной шахте на окраине города обнаружил 1100 тонн урановой руды, хранящейся в изрядно прогнивших деревянных бочках. Американские пехотинцы принялись

Борис Пэш идет принимать капитуляцию Танхайма

Вальтер Боте

прочесывать прилегающие районы в поисках подходящей тары для ценного груза, а также рабочей силы, которая поможет с его перепакровкой. На местной бумажной фабрике они изъяли большую партию картонных коробок, а в ремонтной мастерской – бухту стальной проволоки. Почти три сотни немецких солдат, собранных в окрестностях Штрассфурта, охотно согласились переместить руду из бочек в коробки, а затем погрузить в грузовики в обмен на возможность сдать себя американцам. К утру 19 апреля все было готово, и спустя три дня трофеев был уже в Ганновере, откуда позже его переправили в Англию.

Еще до того, как дерзкий рейд завершился, Пэш и его люди покинули Штрассфурт, чтобы проверить новую зацепку. Месяцем ранее миссия записала себе в актив арест физика Вальтера Боте и обнаружение единственного в Германии циклотрона. Но местонахождение главных лиц немецкого «Уранового проекта» все еще оставалось неизвестным. Менее всего Пэшу и Гровсу хотелось, чтобы они попали не в те руки. След вел в Танхайм, город в швабских Альпах. 20 бойцов группы было явно недостаточно, чтобы отбить город, если местный гарнизон решит следовать приказу Гитлера сражаться до последнего патрона, и Пэш решил пойти ва-банк. Из гостиницы на окраине Танхайма он позвонил в приемную бургомистра, а когда немецкий чиновник взял трубку, заявил, что тот имеет дело с полковником армии США, и дал срок 15 минут на капитуляцию. В противном случае от города не останется камня на камне. Немцу на принятие решения хватило и нескольких секунд. «Танхайм сдается!» – заявил он, и в подтверждение его слов над ратушей взвился белый флаг.

Танхайм оказался лишь адресом доставки грузов для лабораторий филиала Физического института Общества кайзера Вильгельма. Сами лаборатории располагались западнее, в городках Хехинген и Хайгерлох, относящихся к французской зоне оккупации. Людям Пэша вновь пришлось нести сломя голову, чтобы опередить приближающиеся с юго-запада подразделения 4-й Марокканской горнострелковой дивизии. В пещере у Хайгерлоха «Алсос» обнаружила одну из последних версий немецкой «урановой машины». Американским и британским физикам хватило одного взгляда на нее, чтобы понять, что и этот немецкий реактор не способен достичь критической массы.

Через несколько дней в Хехингене оперативники «Алсос» захватили и группу немецких физиков – членов «Уранового общества». Некоторое время те пытались сохранить причитающиеся высшей расе холодное презрение и самоуверенность, но в конце концов дрогнули и выдали все имевшиеся в филиале института запасы урана и тяжелой воды, а также обширную документацию. А 1 мая 1945-го ищейки Пэша арестовали в Мюнхене и крупную рыбу – Курта Дибнера и Вальтера Герлаха, отвечавших за различные ветви германского атомного проекта. Через пару дней Вернер Гейзенберг был обнаружен вместе с семьей в Урфельде и, судя по всему, испытал явное облегчение, когда Пэш объявил, что отныне он является военнопленным американской армии. Беседа с Гаудсмитом, предложение которого перебраться в Америку он в свое время отверг, Гейзенберг держался высокомерно и поинтересовался, ведутся ли в США исследования, подобные немецким. Связанный подпиской о сохранении

тайны, Гаудсмит вынужден был сказать: «Нет». А когда Гейзенберг в ответ великодушно предложил познакомиться американских коллег со своими открытиями в области изучения урана, едва сдержал улыбку. Немцы и понятия не имели, насколько безнадежно они отстали.

Спустя несколько недель после одобрения миссии «Алсос» генерал Гровс с подачи майора Роберта Фурмана, отвечающего за анализ разведанных в штабе проекта «Манхэттен», инициировал совместно с Управлением стратегических служб (УСС) операцию «Азуса». Суть ее сводилась к физическому устранению ключевых фигур немецкой атомной программы, и в первую очередь Вернера Гейзенберга. В отличие от подчиненных ему физиков, Гровс не испытывал никакого пиетета к светилу немецкой науки и нобелевскому лауреату и воспринимал его в первую очередь как опасного врага, по отношению к которому хороши любые меры. Выяснив, что Гейзенберг время от времени посещает с лекциями нейтральную Швейцарию, УСС поручило одному из своих оперативников – бывшему бейсболисту бостонской команды Red Sox Моррису (Мо) Бергу – рассмотреть возможность похищения или убийства ведущего немецкого физика. Берга свели с

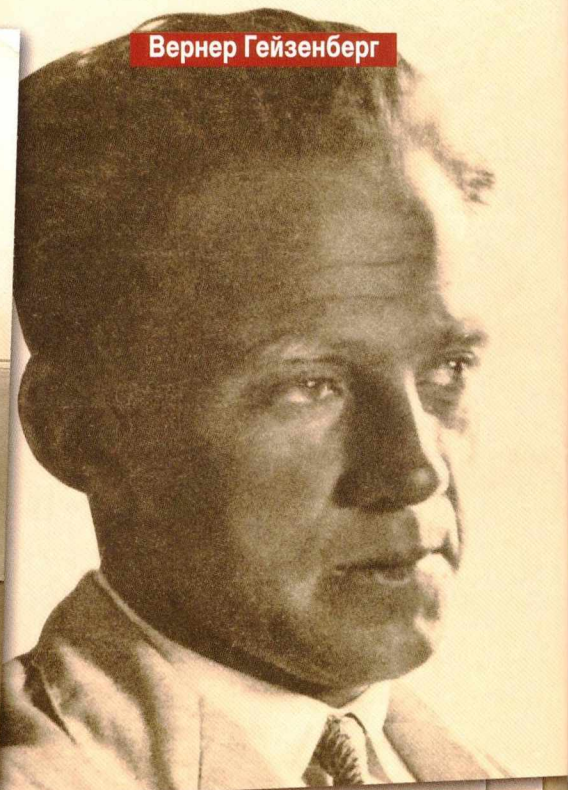
главой института физики Швейцарской высшей технической школы в Цюрихе Паулем Шеррером, который время от времени поставлял Ми-6 ценные сведения. Не ведая, для чего это нужно, Шеррер согласился познакомить Мо и Гейзенберга во время следующего приезда немецкого физика. Берг получил определенную свободу действий, он волен был сам решить, насколько Гейзенберг опасен.

Мо прибыл в Цюрих из Парижа 18 декабря 1944 года. Он выдавал себя за интересующегося физикой французского бизнесмена. На лекцию он взял с собой пистолет и капсулу с цианидом. Сдаваться живым после выполнения акции он не собирался. Готовясь к заданию, Мо проштудировал массу книг по квантовой механике и атомной теории и прекрасно вжился в образ. Кроме того, по распоряжению Гровса его свели с Гаудсмитом, и тот заполнил некоторые пробелы в знаниях Берга сведениями, которые нельзя было получить из открытых источников. Слушая лекцию Гейзенберга, Мо все больше утверждался в мысли, что немецкий физик не опасен. Это чистый теоретик, самоуверенный и

Моррис (Мо) Берг

Вернер Гейзенберг

Британские и американские члены миссии «Алсос» демонтируют экспериментальный ядерный реактор, построенный немецкими учеными в рамках немецкого проекта ядерной энергетики в Хайгерлохе

самовлюбленный, пораженный вирусом превосходства немецкой нации, но при этом не верящий в скорую практическую реализацию своих открытий. Но для большей уверенности Мо попросил Шеррера пригласить Гейзенберга на совместный ужин. Весь вечер нобелевский лауреат демонстрировал поразительную политическую близорукость, а в конце беседы с сожалением признал, что война Германией проиграна, добавив: «Но как было бы хорошо для Европы, если бы мы победили». После ужина Мо провожал Гейзенберга до гостиницы. Они шли рука об руку по пустым улицам Цюриха и болтали. Берг мог застрелить немца и скрыться незамеченным, но не стал этого делать. А Гейзенберг даже не понял, что находился на волосок от гибели.

С поимкой Гейзенберга миссию «Алсос» можно было считать завершенной. Объем добытых ею материалов по немецким ядерным исследованиям превысил самые оптимистические ожидания. Генерал Гровс был уверен, что в советской зоне не осталось ничего, что могло бы ускорить советскую программу по созданию атомной бомбы. В том, что она существует, генерал ни

на йоту не сомневался. Он был бы чрезвычайно удивлен, если бы узнал, каких результатов добилась советская версия миссии «Алсос». Вопреки ожиданиям Гровса, поисковой группе из 35 физиков-ядерщиков удалось обнаружить практически полный пакет документов по немецкому атомному проекту и убедиться, что они не содержат ничего принципиально нового. Куда более важным стало обнаружение под руинами завода фирмы «Ауэр Гезельшафт» в Ораниенбурге 100 тонн практически чистого оксида урана. В СССР на тот момент имелось лишь 7 тонн этого ценного вещества. Еще порядка 100 тонн урана нашли на складе кожевенной фабрики в Нойштадт-Глеве. Это позволило советским ядерщикам наряду с опытным реактором построить одновременно и полноценный реактор для производства оружейного плутония, что приблизило появление у СССР атомной бомбы как минимум на год.

Но главным козырем Советского Союза стала информация, которая поступала из святой святых проекта «Манхэттен», непосредственно из Лос-Аламоса.

Евгений Хитряк